

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 71

27 марта 2025 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе, с участием адвоката Б. в качестве заявителя и представителя заявителя Ба., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Ба. от 15 ноября 2024 года (вх. № ...) и адвоката Б. от 27 ноября 2024 года (вх. № ...) в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 22 января 2025 года вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобам Ба. от 15 ноября 2024 года (вх. № ...) и адвоката Б. от 27 ноября 2024 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

Заявитель Ба., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, поскольку содержится под стражей, обеспечил явку своего представителя – адвоката Б., являющегося также заявителем собственной жалобы.

Адвокат К., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета также не явился, просил о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

Совет, принимая во внимание изложенные обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся указанных участников.

Представитель заявителя Ба. и заявитель собственной жалобы адвокат Б. в заседании Совета выразил несогласие с заключением Квалификационной комиссии, ссылаясь на представленные им дополнительные доказательства: протоколы опросов отца и матери Ба. (вх. № ...). Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что отец Ба. – Ба. З.Б. не сообщал адвокату К. какой-либо информации, кроме той, что занимается поиском защитника для своего сына. Каких-либо ходатайств об опросе родителей Ба. в ходе дисциплинарного разбирательства в заседании Квалификационной комиссии адвокат Б. не заявлял.

Рассмотрев и обсудив заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 07 августа 2024 года в 14.00 час. старшим следователем по РОВД СУ по СВАО ГСУ СК России по городу Москве У. возбуждено уголовное дело № ... по признакам преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 127, п. «а», «з» ч. 2 ст. 126, п. «а», «в» ч. 2 ст. 163, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В этот же день в 15.11 час. следователем для назначения по указанному уголовному делу защитника Ба. в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы (далее – АИС АПМ) была размещена заявка № ... с указанием необходимости участия защитника в следственных и иных процессуальных действиях в этот же день – 07 августа 2024 года. По данной заявке защитником Ба. был назначен адвокат К., который явился к следователю, вступил в дело и с 19.10 час. до 19.30 час. участвовал в допросе Ба. в качестве подозреваемого. Последний в ходе этого допроса, помимо прочего, признал вину в части похищения Т. В 19.50 час. следователем с участием защитника – адвоката К. был составлен протокол о задержании подозреваемого Ба. в порядке, предусмотренном ст. 91-92 УПК РФ. Указанный протокол содержит сведения об уведомлении супруги Ба. - Ка. о его задержании. После этого, с 20.23 час. до 20.30 час., Ба. с участием защитника – адвоката К. был допрошен в качестве обвиняемого. С 21.00 час. до 21.50 час. между потерпевшим Т. и обвиняемым Ба. с участием его защитника – адвоката К. была проведена очная ставка, в ходе которой Ба. также согласился с обвинением в похищении потерпевшего, а совершение вымогательства и кражи отрицал.

08 августа 2024 года между Ка. и адвокатом Б. было заключено соглашение об оказании юридической помощи Ба. по указанному уголовному делу на стадии предварительного расследования в СУ по СВАО

ГСУ СК России по городу Москве и в ходе судебного разбирательства. В этот же день Ба. отказался от защитника – адвоката К., заявив об этом письменно следователю У., который данный отказ удовлетворил. С 08 августа 2024 года защиту Ба. осуществлял адвокат Б.

В обращении заявителей Ба. и адвоката Б. против адвоката К. выдвигаются дисциплинарные обвинения: в навязывании своей юридической помощи; в совершении действий против законных интересов доверителя Ба., выразившихся в склонении адвокатом К. Ба. к даче признательных показаний об обстоятельствах совершения преступления, которое он в действительности не совершал; в неоказании Ба. какой-либо юридической помощи, а также в подписании 07 августа 2024 года протоколов допроса Ба. в качестве обвиняемого и очной ставки между обвиняемым Ба. и потерпевшим Т., которые в действительности не производились.

Кроме того, заявителем – адвокатом Б. в отношении адвоката К. выдвигается дисциплинарное обвинение в участии в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника Ба. по назначению следователя до истечения 24-часового срока явки приглашенного защитника, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ.

Из объяснений адвоката К. следует, что 07 августа 2024 года посредством АИС АПМ он принял заявку № ... на защиту Ба., после чего связался со следователем и уточнил вопрос о наличии у Ба. защитника по соглашению. Следователь сообщил, что уведомил родственников Ба. о том, что последний находится в СУ по СВАО ГСУ СК России по городу Москве, однако сведениями о том, что защиту Ба. будет осуществлять защитник по соглашению, он не располагает. Прибыв на место проведения следственных действий, адвокат К. попросил следователя предоставить ему возможность пообщаться с Ба. наедине для согласования позиции по делу. Во время общения с Ба. последний пояснил, что в ближайшие 48 часов у него не будет защитника по соглашению, доверил адвокату К. свою защиту. В ходе беседы Ба. выразил желание дать показания по обстоятельствам совершения им преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 126 УК РФ, так как в деле имелась видеозапись того, как Ба. наносил удары потерпевшему и насильно заталкивал его в автомобиль. После окончания общения с Ба. адвокат К. составил Лист беседы с доверителем, из которого следует, что адвокатом К. с Ба. была письменно согласована позиция по делу. После задержания Ба. следователь предоставил ему возможность произвести звонок своей матери, с которой тот пообщался «по громкой связи».

По поручению Ба. адвокат К. также связывался по телефону с его отцом, который пояснил, что в течение 48 часов защитника по соглашению у его сына Ба. не будет. Адвокат К. не отрицал, что в телефонном разговоре с отцом Ба. рекомендовал ему пригласить защитника по соглашению, однако не предлагал заключить соглашение именно с ним. Ба. к даче показаний не склонялся, а рекомендовал ему отказаться от дачи показаний и не торопиться, однако тот избрал иную позицию. Утверждал, что присутствовал при производстве всех следственных и иных процессуальных действий в

отношении Ба., никуда не отлучался. Установленный ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого нарушенным не считает, поскольку как от доверителя Ба., так и от его близких родственников он получил не вызывающие сомнений в достоверности сведения, что в ближайшие 48 часов защитник по соглашению в дело не вступит.

Эти объяснения адвоката К. ничем не опровергнуты.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в навязывании адвокатом К. своей юридической помощи Ба., Совет приходит к следующим выводам.

Согласно пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами.

Доказательств нарушения адвокатом К. этого требования материалы дисциплинарного производства не содержат. Рекомендация отцу Ба. – Ба. З.Б. пригласить защитника по соглашению сама по себе не может рассматриваться как навязывание юридической помощи. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу об отсутствии в действиях (бездействии) адвоката К. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката в части данного дисциплинарного обвинения.

К такому же выводу Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит в отношении дисциплинарных обвинений в неоказании адвокатом К. Ба. какой-либо юридической помощи, склонении его к даче показаний об обстоятельствах совершения им преступления, которое он в действительности не совершал. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

В силу п. 3 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Далее – Стандарт), содержащего минимальные требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу, адвокат должен разъяснить подзащитному право иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально и принять меры к проведению такого свидания. В силу п. 5 Стандарта адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат: «принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться»; «в случае вынужденного определения позиции по делу в отсутствие возможности ее предварительного согласования с подзащитным исходит из принципа презумпции невиновности подзащитного и согласовывает с ним такую позицию при первой возможности». Согласно п. 6 Стандарта, в случае признания подзащитным вины защитнику следует разъяснить подзащитному

правовые последствия такого признания, а также по возможности убедиться, что признание вины совершается добровольно и не является самооговором. Между тем, каких-либо иных императивных предписаний по определению защитительной позиции Стандарт не содержит. Из взаимосвязанных положений ст. 2, 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 5, 8 Кодекса профессиональной этики адвоката следует, что адвокат свободен в выборе тактики защиты и обязан согласовывать ее только со своим подзащитным.

Адвокат К. последовательно указывал на то, что перед участием в следственных и иных процессуальных действиях 07 августа 2024 года он имел с Ба. конфиденциальное общение для согласования позиции по делу. Все протоколы следственных действий в отношении Ба. составлены с участием адвоката К., не содержат каких-либо замечаний, заявлений и (или) возражений Ба. против участия адвоката К. в уголовном деле в качестве его защитника. Согласно Листа беседы с доверителем адвокат К. совместно со своим подзащитным Ба. в ходе конфиденциального общения с учетом известных им фактических обстоятельств дела согласовали единую позицию по делу, а затем ее последовательно придерживались. Доказательств явной ошибочности и необоснованности данной позиции в материалах дисциплинарного разбирательства не содержится.

Рассматривая дисциплинарное обвинение заявителя – адвоката Б. в участии адвоката К. в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника Ба. до истечения 24-часового срока явки приглашенного защитника, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ, Совет приходит к следующим выводам.

В соответствии с ч. 4 ст. 50 УПК РФ если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. При отказе подозреваемого, обвиняемого от назначенного защитника следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого могут быть произведены без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2 – 7 части первой статьи 51 УПК РФ.

При этом, как следует из пп. 15 ст. 5 УПК РФ, под моментом фактического задержания понимается момент производимого в порядке, установленном УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в Разъяснениях от 24 сентября 2015 года № 9 «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» указал, что «24-х часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым – как в силу своей сжатости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника

взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны. <...> Совет разъяснял: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу, и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине, не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ, 24-часового срока для явки приглашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполнение данного разъяснения расценивается как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении» (*Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2015. № 3 (129). С. 39-42*).

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что Ба. был фактически задержан утром 07 августа 2024 года у себя дома. Соглашение об оказании юридической помощи на защиту Ба. адвокат Б. заключил с Ка. в полдень 08 августа 2024 года. Согласно скриншоту экрана смартфона адвоката Б., впервые со следователем У. он связался только в 13.00 час. 08 августа 2024 года. В этой связи Совет констатирует, что фактическая явка приглашенного Ка. защитника – адвоката Б. не была обеспечена до истечения 24-часов с момента фактического задержания Ба., то есть в срок, предусмотренный ч. 4 ст. 50 УПК РФ.

Вместе с этим, адвокат К. давал последовательные объяснения о том, что Ба., равно как и его близкие родственники сообщили ему, что защитника по соглашению у Ба. в течение 48 часов не будет, что объективно подтверждается Листом беседы с доверителем от 07 августа 2024 года, собственноручно подписанным Ба.

При таких обстоятельствах Совет констатирует, что адвокатом К. была получена не вызывающая сомнений в своей достоверности информация об отсутствии у Ба. защитника по соглашению в течение срока, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ. Получив такую информацию, адвокат К. не имел оснований для отказа от защиты Ба. При этом, как указано выше, протоколы следственных и иных процессуальных действий не содержат каких-либо возражений Ба. против участия адвоката К. в уголовном деле в качестве его защитника.

Представленные заявителем – адвокатом Б. протоколы опросов матери и отца Ба. не меняют этой оценки, поскольку из них следует лишь то, что мать Ба. отрицает сам факт общения с адвокатом К., а его отец не говорил

адвокату К., что не будет искать другого адвоката для своего сына. Вместе с тем, из них следует, что родители Ба. достоверно знали о его задержании, однако явку защитника по соглашению до истечения 24-часов с момента его фактического задержания не обеспечили и не сообщили адвокату К. о намерении и возможности это сделать. Кроме того, указанные опросы были произведены адвокатом Б. лишь после завершения дисциплинарного разбирательства в Квалификационной комиссии и вынесения ею заключения. Ходатайств об опросах указанных лиц Квалификационной комиссией адвокат Б. не заявлял.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что дисциплинарные обвинения в отношении адвоката К., выдвинутые заявителями – Ба. и адвокатом Б., в полном объеме не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, и признает презумпцию добросовестности адвоката К. неопровергнутой.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) по жалобам Ба. от 15 ноября 2024 года (вх. № ...) и адвоката Б. от 27 ноября 2024 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков